

A photograph of an elderly man with grey hair and glasses, wearing a dark blue suit and a patterned tie. He is sitting at a wooden desk in a study, looking towards the camera. On the desk, there is a desk lamp with a brass-colored shade, a rotary telephone, and some papers. Behind him is a large window with a view of trees outside. To the right, there is a bookshelf filled with books and a small potted plant.

Саша Игин

Коптевский дедуктор 8: Дело о запертой комнате

Саша Игин

**Коптевский дедуктор 8:
Дело о запертой комнате**

«Автор»

2026

Игин С.

Коптевский дедуктор 8: Дело о запертой комнате / С. Игин —
«Автор», 2026

Книга начинается с простуды Ильи Ветрова, ведущего следователя: температура под сорок, в Зареченске он один. Но именно его болезнь запускает неожиданный механизм расследования. В Коптево бабушка Анна Павловна получает тревожный звонок и принимает мгновенное решение — ехать спасать внука и заодно расследовать новое дело. Загадочный краевед сообщает: в 1923 году в запертой комнате убили адвоката Штольца. Сто лет спустя, в том же кабинете, при тех же обстоятельствах найден мёртвым адвокат Вишневский. Тайный ход? Одно и то же оружие? Пока Илья лежит с температурой, бабушка и мама собирают папки, термос и лекарства, оставляют кота Шерлока соседке и мчатся на электричке в Зареченск. В вагоне, под чай с бергамотом, Анна Павловна вводит дочь в курс дела: редкий револьвер «бульдог», пропавшие улики, фраза «бойся мартовских ид». Финал главы — прибытие к больному внуку, где бабушка поправляет одеяло и обещает: тайна будет раскрыта. «Весной всегда оживают старые тайны».

© Игин С., 2026

© Автор, 2026

Саша Игин

Коптевский дедуктор 8: Дело о запертой комнате

Глава 1

Глава, в которой Илья простужается и ложится в постель, а бабушка с мамой отправляются в экспедицию

Суббота в Коптево пахла дождём и бергамотом. Март в этом году выдался на редкость переменчивым — то снег, то град, то солнце, то ливень, и каждый день приходилось гадать, какой слой одежды спасёт от капризов погоды. Илья Ветров должен был приехать к часу дня, как обычно, чтобы обсудить новое дело, которое накануне прислал по электронной почте загадочный краевед. Но в половине первого раздался звонок, и Анна Павловна, услышав в трубке слабый, осипший голос внука, сразу поняла — случилось что-то неладное.

— Бабуль, я заболел, — прохрипел Илья. — Температура под сорок, горло дерет, голова раскалывается. Не приеду сегодня.

— Что?! — встревожилась Анна Павловна, отставляя кружку с недопитым чаем. — Ты хоть лекарства пьёшь? Скорую вызывал?

— Пью. Чай с лимоном, мёд, парацетамол. Скорую не надо — это просто простуда. Лёг в постель, укрылся двумя одеялами. Вчера вымок под дождём на месте происшествия — забыл зонт в машине.

— А кто тебя кормит? — спросила она, уже мысленно перебирая список необходимых вещей для экстренной поездки.

— Никто. У меня есть суп в морозилке — куриный, домашний, я сам варил на прошлой неделе. И бутерброды с сыром. Не волнуйся, бабуль, я не умру с голоду.

— Как я могу не волноваться! — воскликнула Анна Павловна, и в её голосе прозвучала та командирская нотка, которую Илья знал с детства. — Ты в Зареченске один, в своей холостяцкой квартире, больной, без присмотра. А у нас тут дело новое, неотложное, и оно связано с твоим Зареченском! Я нашла в старых записках информацию об убийстве в запертой комнате, которое случилось сто лет назад — в 1923 году. И сегодня утром пришло письмо от местного краеведа, Петра Сергеевича Кольцова. Он утверждает, что это старинное убийство напрямую связано с недавней смертью местного адвоката Андрея Павловича Вишневого. Его нашли в том же самом доме, в том же самом кабинете, при тех же обстоятельствах — запертая комната, пуля в сердце. Дело не ждёт!

— Бабуль, я в постели с температурой, — простонал Илья. — Что я могу сделать? Отлежусь пару дней, тогда и займёмся.

— А то, что мы приедем к тебе сами, — твёрдо сказала Анна Павловна. — Мать твоя сейчас здесь, она только что пришла с пряниками и книжками. Мы соберёмся и отправимся в Зареченск. Сейчас, прямо сейчас.

— Бабуль, ты с ногами еле ходишь, даже по квартире передвигаешься с палочкой! Как ты поедешь? Тем более дождь, слякоть, холодрыга на улице. Ещё сама простудишься.

— Генерал Кутузов тоже был стар и болен, а Москву отстоял, — отрезала бабушка. — Ничего, доедем. У нас есть такси, электричка, твоя машина у подъезда — доберёмся. Так что жди. Через два часа будем.

Она положила трубку, не дожидаясь возражений, и повернулась к Елене Николаевне, которая сидела за столом с чашкой чая и книгой «Убийство в Восточном экспрессе». Елена Николаевна, услышавшая разрыв разговора, уже отложила книгу и смотрела на мать внимательным, озабоченным взглядом.

— Собирайся, дочь, — скомандовала Анна Павловна, выходя из-за стола. — Едем спасать внука и заодно раскрывать преступление. У нас с тобой сегодня будет дальняя дорога.

Елена Николаевна отложила книгу, поправила очки и встала.

— Мама, ты серьёзно? У него температура под сорок, а мы поедем с папками? Может, сначала выясним, может, врач нужен?

— А ты хочешь, чтобы он встал с постели и поехал сюда, в Коптево, с такой температурой? Нет уж. Лучше мы к нему. У него там есть диван в той же комнате — раскладной, мы на нём спали, когда помогали ему с первым делом о полынном венке. Чайник есть, посуда есть. Разместимся. А дело — оно не ждёт. Краевед обещал приехать завтра с утра, а у Ильи ключи от кабинета адвоката, он должен быть на месте. Если он будет валяться в постели, кто будет встречать краеведа?

Папа на видеосвязи, который только что подключился к их утреннему чаепитию, услышал разговор и сказал своим спокойным, рассудительным голосом:

— Я бы тоже приехал, но у меня лекции до вечера — зачётная неделя, студентов не бросишь. А вечером — созвонимся. Илья пусть лежит, я сейчас надиктую ему список лекарств и процедур. Главное — обильное тёплое питьё, парацетамол при температуре и, если кашель, — отхаркивающие. И никакого расследования до завтра!

— Ты лучше дай совет, как нам быстрее добраться, — сказала Анна Павловна, уже натягивая тёплые шерстяные носки поверх колготок. — Электричка, потом такси? Или на машине?

— На электричке быстрее и безопаснее в такую погоду, — сказал Сергей Петрович. — С Ярославского вокзала до станции Зареченск — час двадцать, ходят каждые полчаса. Потом такси до его дома — десять минут. Я сейчас вызову вам такси до метро «Комсомольская» через приложение. Адрес тот же?

— Тот же, — кивнула Анна Павловна. — Ольховская, 17.

— Тогда собирайтесь. Я позвоню Илье, скажу, чтобы приготовил ключи и постелил вам на диване.

Через полчаса Анна Павловна, одетая в тёплое пальто с меховым воротником, вязаную шапку, которую связала сама, и с любимой палочкой в руке, стояла в прихожей. Елена Николаевна возилась с огромной сумкой — в неё уместились папки, ноутбук, термос с горячим чаем, бутерброды, плед для бабушки на случай, если замёрзнет в электричке, и запасные лекарства Илье — жаропонижающее, леденцы для горла, горчичники.

— А Шерлок? — спросила Елена Николаевна, застёгивая молнию на сумке.

— Шерлок остаётся дома. — Анна Павловна погладила кота, который терся о её ноги. — Соседка тётя Вера обещала его покормить — я уже ей позвонила, она придёт через час. Шерлок будет ловить мышей, и охранять архив. Надеюсь, он не устроит погром.

Кот, словно поняв, что речь идёт о нём, важно задрал хвост и направился к своей миске, проверять, не забыла ли бабушка оставить ему корм на вечер.

Они вышли из квартиры, спустились на лифте — лифт сегодня работал, что было редкой удачей — и вышли во двор. Дождь уже перестал, но лужи были везде, и воздух пах мокрым асфальтом и первой весенней оттепелью. Такси ждало у подъезда — белый «Хёндай» с аккуратным водителем, который помог Анне Павловне сесть и убрал палку в багажник.

На Ярославском вокзале было многолюдно — суббота, многие москвичи рвались на дачи или за город. Анна Павловна и Елена Николаевна пробрались к кассам, купили билеты на ближайшую электричку — до Зареченска, с отправлением через пятнадцать минут. Бабушка, несмотря на больные ноги, шла бодро, опираясь на палочку и на руку дочери. В вагоне электрички оказалось полупусто — дачный сезон ещё не начался по-настоящему, и в такой промозглый день мало кто хотел ехать за город. Они сели у окна, бабушка достала термос и налила чаю в две пластмассовые чашки.

— Мама, расскажи про это дело, — попросила Елена Николаевна, отхлебывая горячий чай с бергамотом. — Я только слышала краем уха, когда ты говорила с Ильёй. Что за убийство в запертой комнате?

Анна Павловна отхлебнула чай, поставила термос на столик и начала рассказывать, с той лекторской интонацией, которую помнила ещё со времён работы в университете:

— В 1923 году, в Зареченске, в доме на улице Дворянской, 9, убили адвоката Николая Ивановича Штольца. Его нашли в собственном кабинете, запертом изнутри. Дверь была задвинута на тяжёлый деревянный засов, окна закрыты на шпингалеты, дымоход замурован. Пуля попала прямо в сердце. Револьвер лежал на полу в трёх шагах от тела. Следователи того времени — в двадцатые годы, сами знаете, какой был бардак — поначалу решили, что это самоубийство. Но судебный эксперт, старый врач с дореволюционным опытом, заметил: пороховые следы на рубашке не совпадают. Если бы адвокат стрелял в себя в упор, ожог был бы иным. Стреляли с расстояния не менее полуметра.

— Значит, убийство? — спросила Елена Николаевна.

— Убийство. Но дело закрыли за отсутствием улик. Кто приходил к Штольцу в тот вечер — так и не установили. Проходов в комнату не нашли. Милиция прозвала тайный ход, о котором ходили слухи среди старожилов. А теперь, сто лет спустя, в том же самом кабинете — дом, кстати, до сих пор стоит, его отреставрировали, там теперь юридическая контора — нашли мёртвым современного адвоката, Андрея Павловича Вишневого. Снова пуля в сердце, снова запертая комната. И снова — подозрение на убийство, хотя местная полиция склоняется к самоубийству.

— А связь? — спросила Елена Николаевна, отставляя пустую чашку.

— Краевед, который прислал письмо, утверждает, что в доме есть тайный проход, соединяющий кабинет с библиотекой. Он был замурован после 1923 года, но, возможно, его вскрыли или построили другой. И что убийца использовал этот проход, как в прошлом веке, так и сейчас. Илья получил это письмо вчера, хотел сегодня с нами обсудить, а тут — простуда.

— Значит, везём ему всё сами, — сказала Елена Николаевна.

— Везём.

За окном электрички мелькали подмосковные пейзажи — берёзовые рощи, дачные домики, железнодорожные переезды, лужи, отражающие серое небо. Дождь постепенно стихал, и из-за туч показалось робкое мартовское солнце, которое тотчас же спряталось обратно.

— Смотри, мама, — сказала Елена Николаевна, показывая на поле за окном, — а там уже трава пробивается.

— Весна, — кивнула Анна Павловна. — А весной всегда оживают старые тайны.

Илья Ветров лежал в своей однокомнатной квартире на окраине Зареченска — старом двухэтажном доме, перестроенном из купеческого особняка. Квартира была небольшая, но уютная: коридор, кухня с газовой плитой, комната, где помещались и письменный стол, и кровать, и диван, и книжный шкаф. Сейчас Илья лежал в кровати, укутанный в два одеяла — шерстяное, связанное бабушкой, и пуховое, купленное в Икее. Температура была под сорок, голова раскалывалась, горло саднило, и каждый глоток чая с мёдом, который он сам себе заварил, давался с трудом.

На тумбочке стояли пузырьки с лекарствами, наполовину пустая кружка с остывшим чаем, тарелка с недоеденным бутербродом и телефон, который то и дело пиликал сообщениями от коллег. Илья проклинал свою глупость — вчера он вымок под дождём, возвращаясь с места происшествия, забежал в магазин без зонта, промочил ноги и не переделся сразу. Результат — температура, слабость и то, что он не может даже поесть горячего супа, потому что вставать с постели не хочется.

Телефон зазвонил. Слабый, но такой родной голос мамы:

— Сын, мы уже на электричке. Подъезжаем к Зареченску. Через десять минут будем на вокзале, потом такси — и мы у тебя. Ты как?

— Живой, — прохрипел Илья, стараясь говорить бодрее, но голос не слушался. — Мам, зачем вы приехали? Я бы перемогся, через пару дней встал, и мы бы всё обсудили.

— Бабушка сказала: дело не ждёт. И потом, кто тебя кормить будет? У тебя там суп в морозилке, да? А разогреть ты его сможешь? Лежи и не вставай. Мы сейчас приедем, я поставлю чайник и сварю тебе куриный бульон из тех продуктов, что у тебя есть.

— Мам, у меня есть только замороженные пельмени и полпачки гречки.

— Ну вот, — вздохнула Елена Николаевна. — А говорил, суп варил. Придётся нам по дороге забежать в магазин.

Она уже отключилась, а Илья остался лежать, слушая, как за окном моросит дождь, и, думая о том, что он, взрослый следователь, старший лейтенант юстиции, не может даже встать с постели, чтобы приготовить себе нормальную еду. Надо было соглашаться на переезд в Москву, поближе к бабушке, но работа в Зареченске была интереснее, да и дом этот — с историей — он полюбил.

Через полчаса в дверь позвонили — сначала коротко, потом настойчивее. Илья, шатаясь, поднялся, накинул халат, который висел на спинке стула, и, держась за стены, пошёл открывать.

На пороге стояли Анна Павловна, опирающаяся на палочку, с сумкой через плечо и с обеспокоенным лицом, и Елена Николаевна с огромной дорожной сумкой, из которой торчали края папок.

— Марш в постель! — скомандовала бабушка, входя в квартиру и оглядывая холостяцкий беспорядок — носки на батарее, немытая посуда в раковине, стопка бумаг на полу. — Мать, ставь чайник, разбирай продукты. Я займусь документами.

Илья покорно вернулся в постель, укрылся одеялом. Анна Павловна прошла в крошечную кухню, включила чайник, нашла в шкафчике банку с чаем и пакет с печеньем. Елена Николаевна открыла сумку, достала папки, ноутбук, термос, а потом — свёрток с домашними ватрушками, которые испекла утром.

— Ну, рассказывай, — сказала бабушка, усаживаясь на стул рядом с кроватью и вынимая из папки письмо краеведа. — Что ты узнал про убийство адвоката? Только коротко, голос береги.

Илья с трудом приподнялся на подушке, подложил вторую подушку под спину и начал говорить, иногда останавливаясь, чтобы прокашляться:

— Пока ничего нового. Меня отстранили от дела на время болезни. Сказали, что я могу консультировать, но на место происшествия пока не ездить. Но краевед, который прислал письмо, — Пётр Сергеевич Кольцов, он историк, краевед, пенсионер — обещал приехать завтра. Говорит, что у него есть план дома со старыми проходами. Он утверждает, что нашёл в архиве чертёж здания 1910 года, где между кабинетом и библиотекой указана пустота — потайная комната или ход.

— Вот и отлично, — сказала Анна Павловна, кивая. — А пока мы изучим то, что есть у нас. Мать, включай ноутбук, у нас есть фотографии из уголовного дела 1923 года — я их вчера скопировала в электронном архиве.

Елена Николаевна уже разложила на столе папки, подключила ноутбук к розетке, вывела на экран фотографии старого дома, снятые в 1920-е годы. Дом на Дворянской, 9, выглядел мрачно: высокие окна, колонны, облупившаяся штукатурка.

— Смотрите, — сказала Елена Николаевна, показывая на план. — Вот кабинет, вот зал, вот лестница на второй этаж. А вот пометка краеведа красными чернилами: «Между кабинетом и библиотекой — пустота. Размер примерно два на три метра. Возможно, тайный ход или комната для прислуги».

— В 1923 году следователи этого не заметили, — добавила Анна Павловна. — А сейчас, с современной техникой — эндоскопом, тепловизором — можно проверить, не скрывается ли за стеной пустота.

В этот момент зазвонил телефон — папа на видеосвязи. Анна Павловна поставила телефон на тумбочку, чтобы Илья тоже мог видеть экран.

— Как наш пациент? — спросил Сергей Петрович, всматриваясь в бледное лицо сына.

— Жив, — ответила Анна Павловна. — Температуру меряли? — обратилась она к Илье.

— 38,7, — прохрипел Илья.

— Многовато. — Папа нахмурился. — Слушай, я написал список: антибиотики только по назначению врача, но противовирусное и жаропонижающее — ибупрофен или парацетамол, чередуй. И пей много — чай с малиной, морс. Мы привезли тебе мёд и лимоны.

— Ты лучше скажи, что там с баллистикой? — попросила Елена Николаевна, возвращаясь к делу. — Пуля из дела 1923 года и пуля из дела 2025 года — одинаковые?

— Экспертиза ещё не готова, — ответил Сергей Петрович. — Но я позвонил знакомому в областной экспертно-криминалистический центр, попросил ускорить. Предварительно — калибр один и тот же, редкий. 11,2 мм, так называемый «бульдог», старый, немецкий, производства конца XIX века. Такие револьверы в России почти не встречаются, в основном у коллекционеров или в музеях.

— Может быть, одно и то же оружие? — предположила Елена Николаевна, снимая очки и протирая их.

— Теоретически — да, — кивнул папа. — Если убийца хранил его сто лет и передал по наследству. Или нашёл в тайнике, о котором никто не знал. Такое оружие не ржавеет, если его правильно хранить — в смазке, в сухом месте.

— Или убийца — один и тот же человек? — с дрожью в голосе спросила Анна Павловна. — Но это невозможно, прошло сто лет.

— Маньяки не живут так долго, — отрезал Сергей Петрович. — Но кто-то из потомков мог повторить его метод. Или просто найти оружие и решить, что это хороший способ замести следы — свалить на старую тайну.

Илья, слушая их, чувствовал себя маленьким мальчиком, которого окружают заботой и одновременно включают в серьёзное дело. Ему стало теплее — не от одеял, а от того, что они рядом. Он даже забыл о температуре и головной боли, увлечённый разговором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.